

Компьютерная лингвистика
и интеллектуальные технологии

Выпуск 16 (23)

Том 2

по материалам международной
конференции «Диалог 2017»

Computational Linguistics
and Intellectual Technologies

Issue 16 (23)

Volume 2

International Conference
"Dialogue 2017" Proceedings

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии

По материалам ежегодной международной
конференции «Диалог» (2017)

Выпуск 16

Том 2 из 2

Компьютерная лингвистика:
лингвистические исследования

Computational Linguistics and Intellectual Technologies

Papers from the Annual International
Conference "Dialogue" (2017)

Issue 16

Volume 2 of 2

Computational Linguistics: Linguistic Research

УДК 80/81; 004
ББК 81.1
К63

Редакционная
коллегия:

*В. П. Селегей (главный редактор), А. В. Байтин,
В. И. Беликов, И. М. Богуславский, Б. В. Добров,
Д. О. Добровольский, Л. М. Захаров, Л. Л. Иомдин,
И. М. Кобозева, Е. Б. Козеренко, М. А. Кронгауз,
Н. И. Лауфер, Н. В. Лукашевич, Д. Маккарти, П. Наков,
Й. Нивре, Г. С. Осипов, А. Ч. Пиперски, В. Раскин,
Э. Хови, С. А. Шаров, Т. Е. Янко*

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 31 мая — 3 июня 2017 г.). Вып. 16 (23): В 2 т. Т. 2 — М.: Изд-во РГГУ, 2017.

Сборник включает 71 доклад международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2017», представляющих широкий спектр теоретических и прикладных исследований в области описания естественного языка, моделирования языковых процессов, создания практически применимых компьютерных лингвистических технологий.

Для специалистов в области теоретической и прикладной лингвистики и интеллектуальных технологий.

© Редколлегия сборника «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии» (составитель), 2017

Предисловие

16-й выпуск ежегодника «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии» содержит избранные материалы 23-й международной конференции «Диалог». На основании мнений наших рецензентов для публикации в ежегоднике Редсоветом был отобран 71 доклад из числа примерно ста работ, которые были рекомендованы по результатам рецензирования для представления на конференции в 2017 году.

Работы в сборнике отражают все основные направления исследований в области компьютерного моделирования и анализа естественного языка, представленные на конференции:

- Компьютерные лингвистические ресурсы
- Компьютерный анализ документов (классификация, поиск, анализ тональности и т.д.)
- Корпусная лингвистика (создание, разметка, методики применения и оценка корпусов)
- Лингвистические онтологии и автоматическое извлечение знаний
- Лингвистический анализ Social media
- Лингвистический анализ речи
- Машинный перевод текста и речи
- Модели и методы семантического анализа текста
- Модели общения
- Теоретическая и компьютерная лексикография
- Типология и компьютерная лингвистика
- Формальные модели языка и их применение в компьютерной лингвистике

В соответствии с традициями «Диалога», старейшей и крупнейшей конференции по компьютерной лингвистике в России, отбор работ основывается на представлении о важности соединения новых методов и технологий анализа языковых данных с полноценным лингвистическим анализом и моделированием. Одной из важнейших целей конференции была и остается поддержка создания современных компьютерных ресурсов, моделей и технологий для русского языка.

В годовом цикле проведения конференции в рамках программы Dialogue Evaluation проводится тестирования технологий решения отдельных задач компьютерного анализа языка. На конференции подводятся итоги проведенных тестов, а статьи организаторов и наиболее успешных участников представляются в настоящем сборнике.

В этом году было проведено два тестирования:

1. По идентификации внешних заимствований (External Plagiarism Detection)
2. По оценке методов морфологического анализа русского языка, с акцентом на тексты Social Media.

Как обычно, результатом проведенных тестирований стали не только объективные данные о качестве работы различных методов и алгоритмов, но также и открытые для использования эталонные размеченные корпуса, т. н. золотые стандарты, позволяющие любым исследователям проводить сравнительные оценки эффективности своих технологий.

Все направления «Диалога» важны, но каждый год какие-то темы занимают особое место в программе конференции и в составе ежегодника. В этом году можно назвать две таких темы:

1. Применение методов глубинного машинного обучения: прежде всего — нейросетей и таких результатов их применения как word embeddings, как для прикладных задач, так и в лингвистических исследованиях.
2. В программе конференции этого года особенно заметны работы по использованию параллельных корпусов для лингвистических исследований. Такие корпуса уже давно и успешно используются в NLP, например, для обучения статистических моделей машинного перевода, автоматической дисамбигуации, автоматического построения языковых моделей. Но параллельные корпуса оказываются также и важным инструментом контрастных лингвистических исследований.

Статьи в сборнике публикуются на русском и английском языках. При выборе языка публикации действует следующее правило:

- доклады по компьютерной лингвистике должны подаваться на английском языке. Это расширяет их аудиторию и позволяет привлекать к рецензированию международных экспертов.
- доклады, посвященные лингвистическому анализу русского языка, предполагающие знание этого языка у читателя, подаются на русском языке (с обязательной аннотацией на английском).

Несмотря на традиционную широту тематики представленных на конференции и отобранных в сборник докладов они не могут дать полной картины направлений «Диалога». Ее можно получить с помощью сайта конференции www.dialog-21.ru, на котором представлены обширные электронные архивы «Диалогов» последних лет и все результаты проведенных тестирований Dialogue Evaluation.

Мы обращаем внимание авторов и читателей сборника, что его бумажный вариант, который вы держите в руках, является вторичным по отношению к сборнику, который размещается на сайте конференции и индексируется Scopus. Мы рекомендуем при цитировании использовать именно сетевую версию.

Программный комитет конференции «Диалог»

*Редколлегия сборника «Компьютерная лингвистика
и интеллектуальные технологии»*

Организаторы

Ежегодная конференция «Диалог» проводится под патронажем Российского фонда фундаментальных исследований при организационной поддержке компании АBBYY.

Учредителями конференции являются:

- Институт лингвистики РГГУ
- Институт проблем информатики РАН
- Институт проблем передачи информации РАН
- Компания АBBYY
- Филологический факультет МГУ

Конференция проводится при поддержке Российской ассоциации искусственного интеллекта.

Международный программный комитет

Богуславский Игорь Михайлович	Институт проблем передачи информации РАН им. А. А. Харкевича, Россия
Буате Кристиан	Университет Жозефа Фурье — Гренобль 1, Франция
Гельбух Александр Феликсович	Национальный политехнический институт, Мехико
Иомдин Леонид Лейбович	Институт проблем передачи информации РАН им. А. А. Харкевича, Россия
Кобозева Ирина Михайловна	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия
Козеренко Елена Борисовна	Институт проблем информатики РАН, Россия
Корбетт Гревил	Университет Суррея, Великобритания
Кронгауз Максим Анисимович	НИУ «Высшая школа экономики», Россия
Лукашевич Наталья Валентиновна	НИВЦ МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия
Маккарти Диана	Кембриджский университет, Великобритания
Мельчук Игорь Александрович	Монреальский университет, Канада
Нивре Йоаким	Уппсальский университет, Швеция
Ниренбург Сергей	Университет Мэриленда, Балтимор, США
Осипов Геннадий Семёнович	Институт системного анализа РАН, Россия
Раскин Виктор	Университет Пердью, США
Селегей Владимир Павлович	Компания АBBYY, Россия
Хови Эдуард	Университет Карнеги — Меллон, США
Шаров Сергей Александрович	Университет Лидса, Великобритания

Организационный комитет

Селегей Владимир Павлович,
председатель

Байтин Алексей Владимирович

Беликов Владимир Иванович

Браславский Павел Исаакович

Добров Борис Викторович

Захаров Леонид Михайлович

Иомдин Леонид Лейбович

Кобозева Ирина Михайловна

Козеренко Елена Борисовна

Лауфер Наталия Исаевна

Ляшевская Ольга Николаевна

Толдова Светлана Юрьевна

Федорова Ольга Викторовна

Шаров Сергей Александрович

Компания ABBYY

Компания Yandex

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН

Уральский федеральный
университет

НИВЦ МГУ им. М. В. Ломоносова

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Институт проблем передачи
информации РАН им. А. А. Харкевича

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Институт проблем информатики
РАН

Компания Yandex

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН

НИУ «Высшая школа экономики»

Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова

Университет Лидса

Секретариат

Атясова Анастасия Леонидовна,
координатор оргкомитета

Белкина Александра Андреевна,
секретарь оргкомитета

Гусева Анна Александровна,
координатор Dialogue Evaluation

Севергина Екатерина Александровна,
администратор оргкомитета

Компания ABBYY

Компания ABBYY

Компания ABBYY

Компания ABBYY

Рецензенты

Августинова Тania
Антонова Александра Александровна
Азарова Ирина Владимировна
Андреанов Андрей Иванович
Апресян Валентина Юрьевна
Архангельский Тимофей Александрович
Байтин Алексей Владимирович
Баранов Анатолий Николаевич
Беликов Владимир Иванович
Бенко Владимир
Бердичевский Александр Сергеевич
Богданов Алексей Владимирович
Богданова-Бегларян Наталья Викторовна
Богуславский Игорь Михайлович
Бочаров Виктор Владиславович
Браславский Павел Исаакович
Васильев Виталий Геннадьевич
Галинская Ирина Евгеньевна
Галицкий Борис Александрович
Гельбух Александр Феликсович
Гецевич Юрий Станиславович
Гращенков Павел Валерьевич
Губин Максим Вадимович
Даниэль Михаил Александрович
Диконов Вячеслав Григорьевич
Добров Борис Викторович
Добровольский Дмитрий Олегович
Добрушина Нина Роландовна
Зализняк Анна Андреевна
Захаров Виктор Павлович
Захаров Леонид Михайлович
Ильвовский Дмитрий Алексеевич
Иомдин Борис Леонидович
Иомдин Леонид Лейбович
Катинская Анисья Юрьевна
Клышинский Эдуард Станиславович
Кибрик Андрей Александрович
Князев Сергей Владимирович
Кобозева Ирина Михайловна
Козеренко Елена Борисовна
Копотев Михаил Вячеславович
Коротаев Николай Алексеевич

Котельников Евгений Вячеславович
Котов Артемий Александрович
Кронгауз Максим Анисимович
Левонтина Ирина Борисовна
Лобанов Борис Мефодьевич
Лопухин Константин Александрович
Лукашевич Наталья Валентиновна
Лютикова Екатерина Анатольевна
Мисюрёв Алексей Владимирович
Наков Преслав
Недолужко Анна Юрьевна
Падучева Елена Викторовна
Пазельская Анна Германовна
Паперно Денис Аронович
Панченко Александр Иванович
Переверзева Светлана Игоревна
Петрова Мария Андреевна
Пивоварова Лидия Михайловна
Пиперски Александр Чедович
Подлеская Вера Исааковна
Рахилина Екатерина Владимировна
Скулачева Татьяна Владимировна
Смирнов Иван Валентинович
Селегей Владимир Павлович
Слюсарь Наталия Анатольевна
Соколова Елена Григорьевна
Сомин Антон Александрович
Сорокин Алексей Андреевич
Сорокин Виктор Николаевич
Старостин Анатолий Сергеевич
Степанова Мария Евгеньевна
Тихомиров Илья Александрович
Толдова Светлана Юрьевна
Турдаков Денис Юрьевич
Урысон Елена Владимировна
Федорова Ольга Викторовна
Хохлова Мария Владимировна
Циммерлинг Антон Владимирович
Шаров Сергей Александрович
Шелманов Артём Олегович
Янко Татьяна Евгеньевна

Contents¹

Компьютерная лингвистика: лингвистические исследования

Апресян В. Ю.

Отрицательная и положительная поляризация: семантические источники	2
---	---

Апресян В. Ю., Шмелев А. Д.

«Ксенопоказатели» по данным параллельных корпусов и современных СМИ: русское якобы	17
---	----

Бадрызлова Ю. Г.

Опыт корпусного моделирования факторов метафоричности на примере русских глаголов	30
--	----

Баранов А. Н., Вознесенская М. М.

Идиоматика пьянства в корпусном измерении	45
--	----

Bergelson M. B., Khudyakova M. V.

Interaction and Empathy as Elements of Narrative Strategies in the Russian Clips Corpus	55
--	----

Блинова О. В.

Побудительная реплика как элемент устного диалога: случай императива 1PI	68
---	----

Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю.

Некоторые инвариантные характеристики русской разговорной речи: фонетика, морфология, синтаксис	82
--	----

Богуславская О. Ю., Иомдин Б. Л.

Развитие полисемии у русских числительных и порядковых прилагательных	96
--	----

Добровольский Д. О., Левонтина И. Б.

Дискурсивные частицы и способы их перевода: ну в романе Владимира Сорокина «Очередь»	106
---	-----

Федорова О. В.

Вклад кинетической составляющей в мультимодальную коммуникацию, или Еще раз о стратегиях описания танграмм	118
---	-----

* Доклады упорядочены по фамилии первого автора в соответствии с английским алфавитом.
The reports of each section are ordered by the surname of the first author in compliance with
the English alphabet.

Гращенко П. В., Кобозева И. М. Семантические классы и управление прилагательных	134
Инькова О. Ю. Принципы определения степени лингвоспецифичности коннекторов	150
Иомдин Л. Л. Как нам быть с конструкциями типа <i>как быть?</i>	161
Князев С. В., Утешева А. С. Коартикуляционные изменения носовых согласных как показатель наличия просодического шва и порядка применения фонологических правил в русском языке	175
Крейдлин Г. Е. Типология русских походов	196
Кривнова О. Ф. Фонетические характеристики дыхательных пауз с разной текстовой локализацией	207
Kunilovskaya M. A. Linguistic Tendencies in English to Russian Translation: the Case of Connectives	221
Кустова Г. И. Типы конструкций с адвербиалами	234
Letuchiy A. B. ‘Tensed’ and ‘Non-tensed’ Predicatives in Russian	249
Левонтина И. Б., Денисова Г. Итальянское <i>tagari</i> и его русские переводные эквиваленты: разные дискурсивные стратегии	261
Литвиненко А. О., Николаева Ю. В., Кибрик А. А. Аннотирование русских мануальных жестов: теоретические и практические вопросы	271
Лобанов Б. М., Житко В. А., Харламов А. А. Компьютерная система обучения интонационным конструкциям русской речи	287
Лютикова Е. А., Татевосов С. Г. Синтаксис и семантика именного контрфактива	302
Малафеев А. Ю., Орехова Е. А. Толерантность по-русски и по-английски: корпусное исследование ...	321
Падучева Е. В. Эгоцентричность в семантике слова <i>никак</i>	333

Piperski A. Ch.	
Semantic Halo of a Meter: a Keyword-based Approach	342
Подлесская В. И.	
«Я скажу тебе с последней прямотой»: прямая и косвенная речь по данным корпуса с просодической разметкой	355
Пожарицкая С. К., Добрушина Е. Р.	
Орфоэпический взгляд на некоторые вариантные явления русского литературного языка в эпоху корпусной лингвистики	372
Рахилина Е. В.	
Говорю я, Карл... ..	384
Шмелев А. Д., Зализняк Анна А.	
Реверсивный перевод как инструмент лингвистического анализа дискурсивных слов	394
Слюсарь Н. А., Алексеева С. В.	
Орфографические соседи с заменой буквы при изучении механизмов лексического доступа	407
Соума Ю. В., Кудашев И. С., Михайлов М. Н.	
Отрицание в русских и финских версиях двусторонних договоров между Россией и Финляндией: опыт корпусного исследования	419
Толдова С. Ю., Муханова Р. В.	
Порядок следования прилагательных разных семантических классов в русском языке в свете корпусных данных	429
Вилинбахова Е. Л.	
Когда статья — это не статья: «отрицательные тавтологии» в русском языке	441
Янко Т. Е.	
Интонация перечисления в русском языке	453
Циммерлинг А. В.	
Русские предикативы в зеркале эксперимента и корпусной грамматики	466
Abstracts	482
Авторский указатель	496
Author Index	497

Компьютерная лингвистика: лингвистические исследования

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2017»

Москва, 31 мая — 3 июня 2017

СИНТАКСИС И СЕМАНТИКА ИМЕННОГО КОНТРАФАКТИВА¹

Лютикова Е. А. (lyutikova2008@gmail.com),
Татевосов С. Г. (tatevosov@gmail.com)

МГУ имени М. В. Ломоносова; МПГУ, Москва, Россия

SYNTAX AND SEMANTICS FOR NOMINAL COUNTERFACTUALS²

Lyutikova E. A. (lyutikova2008@gmail.com),
Tatevosov S. G. (tatevosov@gmail.com)

Lomonosov Moscow State University;
Moscow State University of Education, Moscow, Russia

The paper explores syntax and semantics of nominal counterfactuals, in which the antecedent contains a DP instead of a clause (“if BY not DP”). We address a number of issues related to their internal structure and semantic interpretation, including obligatoriness of negation and its inability to license negative polarity items. We argue that despite the apparent nominal character of the antecedent, its interpretation is not different from that of regular counterfactuals whereby the antecedent provides the restrictor for the universal quantifier in the domain of possible worlds. We propose that the nominal constituent undergoes re-interpretation along the following path. A pronominal element *pro* adjoins to DP, which takes its reference in the domain of events. This element finds an antecedent event in the

¹ Данное исследование поддержано грантом РФ (проект 16-18-02003 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемый в МПГУ).

² The research has been supported by Russian Science Foundation (project 16-18-02003 “Structure of meaning and its mapping into lexical and functional categories of Russian” at MSPU).

standards way regular pronominals do. It is related to the denotation of the DP by an unpronounced thematic relation. This derives a proposition of the form “that there is an event identical to the referent of *pro*, which || DP || is a participant of”. Since the referent of *pro* is an eventuality in the evaluation world, the counterfactual only get a coherent interpretation if the antecedent is negated. For the same reason, the antecedent is not an environment where NPIs can be licensed.

Keywords: counterfactual conditionals, event semantics, coercion

1. Введение

Цель этой статьи — обсудить синтаксис и семантику конструкции, иллюстрируемой в примерах (1a–b). В (Добрушина 2016, раздел 7.4.1.2) она охарактеризована как условная конструкция с протасисом жесткой структуры: «если + бы + не + существительное в именительном падеже».

- (1) а. Если бы не Жанна, пропали бы мы обе: я и Лялька. [НКРЯ]
б. Так бы и закончилась вечеринка без происшествий, если бы не одна девушка, которая не знала, что много пить вредно. [НКРЯ]

Данная конструкция на первый взгляд напоминает условное предложение с контрфактической семантикой (2)³, однако обладает рядом нетривиальных особенностей.

- (2) а. И ничто не спасло бы Чикобаву, если бы Сталин не снял трубку и не оставил его жить. [НКРЯ]
б. И если бы один человек не снял копии с бумаг, концов в этой истории никогда бы не нашли. [НКРЯ]

Во-первых, там, где в (2) находится синтаксическая составляющая, выражающая пропозицию, в (1) представлена именная группа, имеющая непропозициональное семантическое содержание⁴. Во-вторых, имеются семантические ограничения на референциальный статус этой именной группы: она должна быть референтной, хотя и необязательно определенной, ср. (1a–b).

³ Сходство между условными контрфактическими предложениями и исследуемой конструкцией поддерживается также тем, что в обоих случаях наряду с союзом *если* могут использоваться союзы *когда* и *коли*:

⁽ⁱ⁾ Когда бы не чистописание, мальчик был бы самым счастливым учеником в классе. [НКРЯ]

⁽ⁱⁱ⁾ Давно бы уж ему быть фейерверкером, коли бы не карахтер его. [НКРЯ]

⁴ Мы придерживаемся стандартного понимания пропозиции как характеристической функции множества миров, которая применительно к каждому конкретному миру дает истинностное значение. Именные группы, даже обозначающие свойства и характеристики, такие, как *способность* в (5), не могут быть истины или ложны в мире и тем самым не являются пропозициональными. Мы признательны рецензенту «Диалога» за комментарий, побудивший нас внести это уточнение.

Появление в этой позиции выражения, не допускающего референтного прочтения, ведет к неграмматичности (3).

- (3) а. **Так бы и закончилась вечеринка без происшествий, если бы не какая-нибудь девушка.*
 б. **Если бы не любой врач, пропали бы мы обе.*

В-третьих и в-четвертых, в этой конструкции отрицание играет примечательную роль. Оно обязательно: утвердительные аналоги предложений типа (1) неграмматичны.

- (4) а. **Если бы Жанна, пропали бы мы обе: я и Лялька.*
 б. **Так бы и закончилась вечеринка без происшествий, если бы одна девушка, которая не знала, что много пить вредно.*

Кроме того, отрицание неспособно лицензировать отрицательно-полярные элементы внутри именной группы, ср. (5). Это неожиданно, если учесть, что не только сентенциальное, но и термовое отрицание в русском языке может лицензировать NPI внутри той составляющей, к которой оно присоединяется, ср. пример (6) из (Рожнова 2009)⁵, а граница именной группы, как показано в (Корнакова и др. 2016), не является барьером для лицензирования NPI со стороны сентенциального отрицания, ср. (7a–b).

- (5) а. **Если бы не способность ни на какую подлость...*
 б. **Если бы не способность на какую-либо подлость...*
- (6) а. его неспособность ни на какую подлость (Рожнова 2009: 50)
 б. его неспособность на какую-либо подлость
- (7) а. *Необходима была «прописка» в государственной филармонии, иначе мы не имели права давать никаких представлений.* [НКРЯ]
 б. *Комментируя это назначение, СМИ отметили, что генерал Бурутин не замечен в связях с какими-либо группировками ВПК.* [НКРЯ]

Н. Р. Добрушина справедливо отмечает, что конструкции в (1) не могут рассматриваться как результат эллипсиса бытийного глагола (такую гипотезу выдвигает А. В. Гладкий (Гладкий 1982: 164)) либо другого предикативного материала. Следовательно, именной характер протасиса является конституирующей характеристикой конструкции. Далее мы будем называть эту конструкцию именным контрфактивом. В следующем разделе мы обсудим характеристики именных контрфактивов более подробно, а в разделе 3 наметим возможные пути объяснения некоторых их свойств.

⁵ М. А. Рожнова отмечает, что способностью лицензировать отрицательные местоимения в русском языке обладает отрицание при большинстве отглагольных и деадъективных существительных (Рожнова 2009: 50–55). Предметные существительные допускают термовое отрицание только в эксплицитном или подразумеваемом противительном контексте (ср. *Не чай он там пьет*).

2. Синтаксис и семантика именного контрфактива

В этом разделе мы сделаем два взаимосвязанных наблюдения. Во-первых, именная группа в протасисе именного контрфактива должна быть референтной. Во-вторых, протасис имеет имплицитную референцию к событию. Событие имеет место в актуальном мире и описывается определенной дескрипцией, содержание которой иногда задается явным образом, но чаще проясняется из контекста.

Рассмотрим эти обобщения по порядку. Составной частью протасиса именного контрфактива выступает именная группа, которая располагается справа от отрицательной частицы *не*. Важной характеристикой конструкции является ограничение на категориальный статус составляющей, входящей в протасис: она может представлять собой только именную группу. Составляющие других категорий, например, предложные группы, группы прилагательного, группы наречия, в данном контексте недопустимы:

- (8) а. *Если бы не одно обстоятельство...*
б. **Если бы не в одном случае...*
в. **Если бы не очень похожий...*
г. **Если бы не холодно...*

Все обычные типы зависимых, возможные в именной группе, допустимы и в именных контрфактивах. В примерах (9а-д) показаны различные модификаторы: указательное местоимение, притяжательное местоимение, причастный оборот, рестриктивное относительное предложение, а также аппозитивное относительное предложение, особый статус которого прояснится чуть позже.

- (9) а. *Вода теплая какая, если бы не моя поясница, и я бы с вами поплескалась.*
[НКРЯ]
б. *Если бы не этот пьяница пожарник, валявшийся в коридоре, Валиев наверняка не заметил бы окна под потолком.* [НКРЯ]
в. *Если бы не те средства, которые перешли от брата моей матери... то моей матери и ее сестре было бы очень трудно жить...* [НКРЯ]
г. *Если бы не спутники, которые оттащили его, всё кончилось бы скверно.*
[НКРЯ]

Именная группа должна быть референтной. Примеры (1а-б) иллюстрируют две доступные возможности: определенные референтные и неопределенные референтные именные группы. Родовые именные группы, выступающие именами типов (kinds), представляют собой частный случай определенности и, соответственно, также допускаются в именных контрфактивах.

- (10) а. *Если бы не шалфей, то у меня было бы очень много проблем с лактацией.* [Я]⁶
б. *Если бы не муха-дрозофила, ученые еще долго бы не открыли законы наследования у людей.*

⁶ Примеры, обнаруженные с помощью поисковой системы «Яндекс», здесь и далее помечены как [Я].

Нереферентные именные группы в составе именных контрфактивов чаще всего не допускаются. Невозможны, в частности, нереферентные отрицательно-полярные *-нибудь*, *-либо*, *бы то ни было* местоимения, как видно из примеров типа (11):

- (11) а. **Если бы не кто-нибудь из вас, пропали бы мы обе.*
 б. *Если бы кто-нибудь из вас (не) пришел, пропали бы мы обе.*

Как показывает (11b), протасис условного предложения — это контекст, в котором отрицательно-полярные единицы допускаются, хотя одни из них, возможно, выглядят естественнее, чем другие. Это означает, что неприемлемость (11a) — это именно свойство интересующей нас конструкции, а не более общее ограничение, присущее условным предложениям⁷.

Другие именные группы, имеющие логический тип обобщенного квантора ($\langle\langle e, t \rangle, t \rangle$), в именных контрфактивах чрезвычайно редки. Так, кванторное выражение *минимум два* кажется несовместимым с исследуемой конструкцией, ср. (12a). При этом, однако, обнаруживаются примеры, в которых именной контрфактив включает *каждый*, как в (12b).

- (12) а. **Если бы не минимум два мальчика, (которые...)*
 б. *Если бы не я, если бы не каждый из нас, твой отец заставил бы тебя вколоть сыворотку и сожрать Эрена.* [Я]

Именные группы с *все* в этой конструкции также допускаются, как видно из (13). Известно, однако, что именные группы с кванторными словами типа *все* имеют индивидуную (тип *e*), а не кванторную (тип $\langle\langle e, t \rangle, t \rangle$) интерпретацию, в частности, когда соединяются с определенной дескрипцией, см. (Brisson 1998). Именно такие интерпретации с необходимостью возникают у *все* в именных контрфактивах.

- (13) *Я могу сказать одно, что если бы не все эти тяжелые обстоятельства, я бы рада была.* [НКРЯ]

Кроме именных групп с индивидуной референцией, которые мы видели выше, в именных контрфактивах встречаются именные группы с событийной референцией, возглавляемые существительными, которые представляют собой дескрипции ситуаций.

- (14) *Если бы не приход Даши, она сделала бы себе пару гренок с сыром и колбасой и запила их огромной чашкой крепкого кофе.* [НКРЯ]

На первый взгляд, именные группы этого типа допускают тот же диапазон интерпретаций, что и индивидуальные именные группы. Примеры в (15) показывают, в частности, что они не могут иметь нереферентного прочтения.

- (15) а. **Если бы не какой-нибудь из приездов Даши, ...*
 б. **Если бы не приезд кого-либо из нас, ...*

⁷ Мы признательны рецензенту «Диалога» за комментарий, который склонил нас сделать это уточнение.

Выясняется, однако, что событийные именные группы демонстрируют более сильное ограничение: помимо перечисленных, они не допускают также неопределенную референтную интерпретацию. Пара примеров (16a-b) показывает контраст в приемлемости неопределенной референтной интерпретации для индивидуальных и событийных именных групп.

(16) а. *Я, казалось, впал в настоящее бешенство, и если бы не какой-то беззаботный негр, который — это было написано на его лице — «никогда не волнуется и всегда счастлив», я просто оторвал бы ручку.* [НКРЯ]

б. **Если бы не какое-то ограбление банка, произошедшее в прошлом месяце, я бы не опасался за сохранность своего вклада*⁸.

Таким образом, в именных контрфактивах мы видим два типа именных групп: определенные референтные событийные и референтные индивидуальные⁹. С чем связана такая дистрибуция? Ответ на этот вопрос подсказывает следующее наблюдение: даже в тех именных контрфактивах, где именные группы вводят в рассмотрение индивиды, содержание высказывания включает в себя непременно указание на событие с участием этого индивида. Вернемся к примеру (1a). Предложение (1a) не просто вводит в рассмотрение индивид, обозначенный именем Жанна, но и указывает на ситуацию с ее участием. Единственно возможное понимание (1a) состоит в том, что если бы эта ситуация не имела места в актуальном мире, произошло бы то, что описывается пропозицией в аподосисе. Ситуация может быть ясна из контекста или введена эксплицитно с помощью доступных языковых средств. Более подробно мы обсудим разные возможности ниже. Для целей этого раздела достаточно описательного обобщения: за антецедентами любых именных контрфактивов стоит указание на ситуацию. Если это так, перед нами открывается возможность увязать ограничения на референциальный статус событийных и индивидуальных именных групп в рамках единого обобщения:

(17) Обобщение о семантике именного контрфактива

В протасисе именного контрфактива содержится указание на определенное событие из актуального мира.

Определенность событийных именных групп вытекает из (17) непосредственно. Референтность индивидуальных именных групп следует из (17) через промежуточное обобщение:

⁸ С точки зрения рецензента «Диалога», приемлемость местоимения *какой-то* повышается в следующем предложении:

(i) *Если бы не какие-то ограбления банков в прошлом месяце, Васю бы уже сделали генералом.*

Мы не разделяем это суждение. Можно, однако, заметить, что *какой-то* в некоторых специальных условиях, требующих дополнительного изучения, допускается и с определенными именными группами: *Тут какой-то Вася приходил.* Возможно, различие в суждениях связано с тем, что носители, считающие (i) приемлемым, способны реконструировать эти условия.

⁹ Маргинальная возможность кванторных индивидуальных именных групп будет обсуждаться ниже.

- (18) Обобщение о референтности участников референтного события
Участники события, имеющего место в мире w , существуют в мире w .

(18) соответствует очевидному элементу метафизики события: события с несуществующими участниками невозможны. Требование, которое налагает на индивиды (18), эквивалентно требованию референтности, что предсказывает диапазон возможных в именных контрфактивах именных групп без всяких дополнительных допущений.

Вопрос о том, откуда приходит ограничение, согласно которому в протасисе должно быть представлено (имплицитное) событие с определенным референциальным статусом, требует дополнительного прояснения. Мы осуществим это в следующем разделе. Это позволит придать обобщению (17) более точную форму.

Рецензент «Диалога» отмечает, что «протасис может отсылать и к будущему событию (например, в одной из интерпретаций примера (14))». Как это соотносится с обобщением (17)? Не имея возможности предложить здесь развернутый комментарий, сформулируем общую идею. Будущее можно понимать как модальный оператор, производящий квантификацию по метафизически доступным мирам (Corpley 2009), то есть таким мирам, которые имеют с актуальным общее прошлое. Если в (14) сделать временную референцию к будущему обязательной, например, введя в него соответствующее наречие (*Если бы не приход Даши завтра утром, она сделала бы себе пару гренок с сыром к завтрашнему обеду...*), мы получим предложение, в котором нет ни малейшей эпистемической неопределенности по поводу будущего события. Такое предложение предполагает, что событие имеет место во всех метафизических доступных вариантах развития актуального мира. Если, кроме того, принять в качестве исходного допущения, что индивиды и события не утрачивают идентичность при переходе от мира к миру, для (17) потребуются лишь самое незначительное уточнение: мы говорим об актуальном мире в прошлом и настоящем и обо всех метафизически доступных версиях актуального мира, если речь идет о будущем.

3. Анафора к событию

Интуитивное понимание именных контрфактивов, которые мы обсудили в разделе 2, сводится к тому, что они всегда вводят указание на событие (ср. Добрушина 2016). Это то общее, что происходит и с индивидными, и с событийными именными группами. В этом разделе нам предстоит придать этой интуиции более строгий смысл. Кроме всего прочего, следует увязать с этой интуицией стандартное понимание контрфактических предложений (как и других условных предложений) в терминах квантификации по возможным мирам (Kratzer 1986, von Stechow 1998, Iatridou 2000).

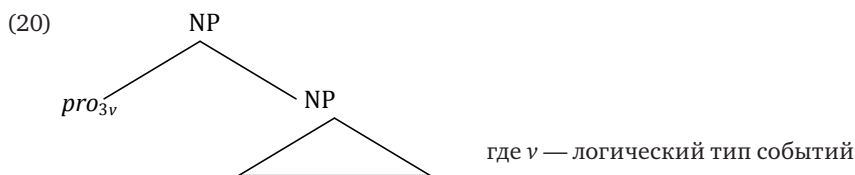
Контрфактические предложения типа (2a), повторяемого здесь как (19a) имеют интерпретацию типа (19b) (мы приводим неформальный перифраз; последние варианты формального анализа см., например, Romero 2014, Schultz 2014, Khoo 2015):

- (19) а. *И ничто не спасло бы Чикобаву, если бы Сталин не снял трубку и не оставил его жить.* [НКРЯ]
 б. *оптимальные миры*¹⁰, в которых Сталин не снял трубку, одновременно являются мирами, в которых ничто не спасло Чикобаву
 и
 наш мир не входит в множество миров, где Сталин не снял трубку.

Первая часть толкования присуща любым условным предложениям: протасис и аподосис понимаются как множество миров, связанных отношением подмножества. Вторая часть специфична для контрфактических условных предложений¹¹. Таким образом, условное предложение (в том числе и с контрфактическим условием) — кванторная структура, в которой роль рестриктора и сферы действия играют, соответственно, протасис и аподосис, а квантор со значением всеобщности чаще всего не имеет поверхностного выражения. Как и всякая кванторная структура, она устанавливает отношение между двумя множествами и в этом смысле похожа на кванторные структуры типа *Все люди смертны* ($\equiv \{x: x \text{ — человек} \} \subseteq \{x: x \text{ смертен} \}$). Единственная особенность условных предложений — тип множеств, связанных отношением подмножества, а именно, тип множества миров, или пропозиций.

Наблюдение, что именные контрфактивы вводят указание на событие, полностью укладывается в понимание условных предложений, представленное в (19b). Ключевой вопрос — как возникает указание на событие, причем событие, которое имеет место в актуальном мире? Наша гипотеза состоит в том, что именные контрфактивы содержат имплицитный прономинальный элемент с референцией к событию.

Этот элемент представляет собой событийный аналог обычных анафорических местоимений с индивидуальной референцией, типа *она*. С другой стороны, его можно понимать как фонологически не выраженный аналог местоимения *это* с событийной референцией (например, *Вася заснул, и это ее очень расстроило*).

¹⁰ Понятие оптимального мира появилось в анализе модальности (в том числе в анализе условных предложений) благодаря А. Кратцер (см. Kratzer 1981 и последующие работы). Не имея возможности ввести и прокомментировать его здесь, мы отсылаем читателя к первоисточнику; в качестве введения в проблематику весьма удачно также учебное пособие (von Stechow, Heim 2015).

¹¹ В литературе ведется оживленная дискуссия о статусе этого семантического компонента. Традиционное понимание контрфактивов, которому следует, например, (Добрушина 2016), предполагает у него статус ассерции. Есть, однако, факты, которые склоняют целый ряд семантистов к мысли, что более правильно было бы анализировать его как импликацию (см. Anderson 1951, Iatridou 2000, McCaus 2015). Мы надеемся, однако, что сказанное ниже не зависит от окончательного решения этой проблемы.

В этом качестве *pro* может получать референцию так же, как это делают анафорические местоимения. В теоретико-модельной литературе, например, это делается посредством функции, присваивающей значения несвязанным переменным, то есть соотносящей переменную с конкретной сущностью описываемого мироздания. Традиционная техническая реализация этой идеи состоит в том, что функция применяется к индексу, который несет местоимение (например, «3» в (20)), и возвращает конкретную сущность. Стандартная запись для референта местоимения имеет, например, вид $g(3)$, где g — присваивающая функция, а 3 — индекс местоимения.

Самый очевидный случай, известный как анафора, — это когда у местоимения есть антецедент, эксплицитно введенный в рассмотрение в предшествующем контексте. Другая возможность, которая обычно описывается как дейктическая, — когда местоимение непосредственно указывает на некоторую сущность в текущем контексте. Анафорические местоимения по необходимости определенно-референтны (если только не связаны каким-либо оператором; мы вернемся к этому ниже). Мы предполагаем, что именно таким способом у именных контрфактивов возникает указание на конкретное событие.

Следующий вопрос — как с помощью *pro* возникает пропозиция, необходимая для интерпретации условной конструкции. Для именных групп с событийной и индивидной референцией мы предполагаем близкие, но не идентичные механизмы.

Событийные именные группы — более простой случай, поскольку они с самого начала представляют собой выражение, описывающее событие. Мы предполагаем, что такие именные группы обозначают событийные предикаты, или функции логического типа $\langle v, \langle s, t \rangle \rangle$, которые принимают события в качестве аргумента и возвращают множество миров, в которых это событие имеет место. В частности, именную группу типа *приезд Даша* следует анализировать как функцию, которая характеризует множество событий e , таких, что e удовлетворяет предикату *приезжать*, а агенсом e выступает Даша. Соединяясь с *pro* и принимая *pro* как аргумент, эта функция создает множество миров, таких что в них представлено событие $g(3)$, которое удовлетворяет дескрипции *приезд Даша*.

Существенный для нашего сюжета компонент этой системы состоит в том, что областью значений присваивающей функции выступают сущности актуального мира. Соответственно, референт *pro*, такой, как $g(3)$, — это всегда событие актуального мира. Денотат клаузы протасиса — это пропозиция, которая показана в (21). Отрицание имеет в нем регулярную интерпретацию¹².

(21) а. (Если бы) не приезд Даша...

б. $\neg \exists e [e = g(3) \wedge \text{приезд}(\text{Даша})(e)]$

¹² В (21b) мы не даем интерпретацию союза *если* и частицы *бы*, отвечающей за «контрфактичность». Мы сохраняем нейтралитет в вопросе о том, есть ли в русском языке союз *если бы*, или *если* и *бы* следует понимать как независимые компоненты контрфактической конфигурации, каждый с собственной семантикой. Вслед за (Kratzer 1986) мы исходим из того, что пропозиция в протасисе используется для формирования рестриктора модального квантора, представленного в любом условном предложении. См., например, введение в семантическую теорию модальности и условного предложения в (von Stechow, Heim 2015).

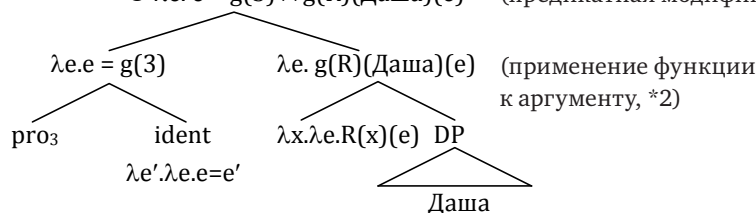
Для индивидуальных именных групп требуется дополнительное допущение. *pro* представляет собой событийную переменную, тогда как именные группы в именных контрфактивах типа (9a–d) обозначают индивиды. Чтобы они могли соединиться в осмысленное целое, необходимо ввести в структуру переменную, обозначающую семантическую роль R индивида в событии (которая также интерпретируется с помощью присваивающей функции). Конечный результат деривации протасиса в (22a) показан в (22b), а полная деривация до применения отрицания — в (22c)¹³:

(22) а. (Если бы) не Даша...

б. $\neg \exists e [e = g(3) \wedge g(R)(\text{Даша})(e)]$

с. ② $\exists e [e = g(3) \wedge g(R)(\text{Даша})(e)]$ (экзистенциальное закрытие)

① $\lambda e. e = g(3) \wedge g(R)(\text{Даша})(e)$ (предикатная модификация)

Это соответствует интуитивному пониманию именных контрфактивов. Они не просто описывают контекстно-релевантное событие. Роль, которую индивид играет в этом событии, также контекстно-зависима, ср. *Если бы не Даша, которая успела нажать на тормоз, старушка бы погибла* и *Если бы не Даша, переехав которую, автомобиль потерял скорость, старушка бы погибла*.

Теперь мы можем обратиться к анализу именных контрфактивов, содержащих в протасисе обобщенные кванторы. На именные группы, имеющие тип обобщенных кванторов, накладываются значительные ограничения. Например, предложения типа (23) с именными группами вида [каждый N] в протасисе находятся, по-видимому, по ту сторону грамматичности, ср. (23a–b):

¹³ Рецензент «Диалога» делится с нами следующими недоумением: «В (21) было „приезд(Даша)(e)“, а здесь вместо описывающего событие предиката возникает только роль в событии — в то время как на самом деле должны быть и событие, и роль участника в нем. Наверное, это значит, что либо в (21) нужно писать „приезд(e) & Agent(Даша)(e)“, либо в (22) сказать, что R — это не только семантическая роль, а роль+событийная дескрипция». Спешим разрешить недоумение. В семантике событий есть два способа соотнесения событий и их участников — дэвидсоновский и неодэвидсоновский. Во втором случае теория предполагает одноместные предикаты над событиями («приезд(e)»), к которым с помощью двухместных отношений типа *agent*, *theme* и т.д. привязываются индивиды («Agent(Даша)(e)»). Все это вместе означает: «имеется событие, которое удовлетворяет описанию «приезд», и оно состоит в отношении «агенс» с индивидом по имени Даша». В первом, дэвидсоновском формате отношение между событиями и индивидами устанавливаются непосредственно самим глаголом. (21) следует читать как «имеется такое событие, что оно состоит в отношении «приезд» к индивиду по имени Даша». При таком подходе глагол — это и есть семантическая роль, только не обобщенная (агенс, пациенс и т.д.), а максимально конкретная (приезд, поедание, написание и т.д.). Об эмпирических соображениях, позволяющих оценить достоинства и недостатки дэвидсоновской и неодэвидсоновской семантики событий, см. (Татевосов 2013).

- (23) а. *Если бы не волонтеры, проведение олимпийских игр в Сочи или в любом другом месте было бы просто невозможно.* [НКРЯ]
 б. **Если бы не каждый волонтер, проведение олимпийских игр в Сочи было бы просто невозможно.*

В этом месте мы сталкиваемся не с полным запретом на именные группы такого класса, а на очень специфические ограничения на их дистрибуцию, которые делают большинство из них неприемлемыми в произвольно взятом контексте. В корпусах находятся примеры типа (12b) или (24), которые, по интуиции носителей русского языка, полностью приемлемы:

- (24) а. *Ведь если бы не каждый отдельно взятый участник, этот лагерь был бы уже не таким, каждый внес частичку своего сердца.*
 б. *В общении стараюсь использовать идею взаимной благодарности за совместную работу: если бы не каждый из нас, работа была бы иной и не столь удачной.*

Есть ли разница между (23b) и (24a–b)? Мы предполагаем, что разница есть и что, более того, она полностью предсказывается нашим анализом. Неприемлемость (23b) и то, как она преодолевается в (24a–b), связана с характером взаимодействия кванторного слова *каждый* с событием, вводимым, согласно гипотезе, местоимением *pro*.

Местоимение *pro*, как и любое (несвязанное) местоимение, обозначает конкретную единичную сущность. Однако кванторное слово *каждый* является сильным дистрибутивным (Татевосов 2001), то есть наводит дистрибутивность не только по индивидам, но и по событиям. Предложение типа *Каждый мальчик видел двух девочек* можно понять так, что *каждый мальчик* имеет более узкую сферу действия, чем *двух девочек*; в этом случае речь идет об одних и тех же двух девочках. Однако тогда предложение с необходимостью сообщает, что на каждого мальчика приходится собственная ситуация встречи с двумя девочками и что встречи разных мальчиков происходят в разное время. Это же интерпретационное ограничение иллюстрируется примерами типа (25):

- (25) ¹⁴*Бомба разрушила каждый дом в поселке.*

Предложение (25) аномально потому, что единичность акта разрушения, производимого единственной бомбой, входит в противоречие с требованием множественности событий, которое наводится кванторным словом *каждый*.¹⁴

Это означает, что конфигурация вида (26), которая могла бы стоять за именными контрфактивами типа (23b), неприемлема по той же причине, что

¹⁴ Отвечая на вопрос рецензента «Диалога», мы хотели бы подчеркнуть, что аномальность (25) не следует из того, что в единичном акте разрушения невозможно уничтожить все дома. Напротив: предложение *Бомба разрушила все дома в поселке* полностью приемлемо. Это показывает, что *каждый*, в отличие от *все*, нуждается в множественности событий, которые он включает в свою сферу действия. В английском языке так же различаются *all* и *every*, с одной стороны, и *each* с другой: *The bomb destroyed every building* || *all the buildings in the village* vs. ¹⁵*The bomb destroyed each building in the village.*

и (25): *каждый* предполагает дистрибутивность по событиям, однако $g(3)$ — это по необходимости единичное событие.

(26) [... $\forall x$ [волонтер (x) $\rightarrow$... (x)($g(3)$) ...]]

(24a–b) подтверждают это: ни то, ни другое предложение нельзя понять так, что *каждый* отдельно взятый участник или *каждый* из нас выступает участником одного и того же события, гарантирующего истинность аподосиса. Напротив, для каждого индивида интуитивно предполагается собственное такое событие («каждый внес частицу собственного сердца»).

По всей видимости, в этом случае мы имеем дело с так называемой функциональной интерпретацией:

(27) [... $\forall x$ [отдельно.взятый.участник (x) $\rightarrow \exists f_c$... (x)($f_c(3)$) ...]]

Можно предположить, что при функциональной интерпретации индекс у событийного местоимения *pro* не обрабатывается присваивающей функцией g , оценивающей все несвязанные переменные в пропозиции. Это происходит при помощи контекстно доступной функции (в (27) обозначена как f_c) того же логического типа $\langle n, e \rangle$, которая связывается внутри пропозиции. Если связывание ее квантором существования происходит внутри сферы действия квантора всеобщности, вводимого кванторным словом *каждый*, как раз и возникает та интерпретация, которую мы наблюдаем в (24): каждого участника контекст обеспечивает (собственной) функцией f_c , которая сопоставляет индексу 3 на местоимении событие, в котором участвовал этот отдельно взятый участник. Или, проще: каждому отдельно взятому участнику контекст дает возможность сопоставить событие с его участием. От суммы этих событий контрфактически зависит поддержание лагеря в наилучшем возможном виде.¹⁵

В этом месте становится ясно, что возможность выполнить условие в (27) существенно зависит от того, что в текущем контексте известно о множестве-рестрикторе. Если оно конечно, компактно и четко очерчено, в любом контексте делается намного проще определить для каждого его элемента такую функцию, которая задает его вклад в сохранение лагеря в (24a) или его роль в поддержании работы в (24b). Для (23b) существенно труднее подобрать контекст, приписывающий каждому волонтеру событие, цепочка которых приводит к успешному проведению олимпийских игр. Максимальное сужение и конкретизация множества-рестриктора существенно улучшает это предложение:

(28) *Если бы не каждый из вас, присутствующих здесь волонтеров, проведение олимпийских игр было бы просто невозможно.*

Мы предполагаем, таким образом, что именно это ограничение отвечает за сравнительную предпочтительность именных контрфактивов с кванторными

¹⁵ У нас нет возможности подробно рассматривать природу функциональных интерпретаций и их семантическую деривацию. Читатель, возможно, найдет полезным их обсуждение в связи с употреблением кванторных именных групп в вопросах (см. Chierchia 1993 и последующую литературу).

именными группами с *каждый*. По всей видимости, это ограничение вовсе нельзя связать с множествами, у которых не задана четкая кардинальность, как это происходит в случае кванторных слов *минимум/максимум два* и т. п., см. (12а).

4. Синтаксические корреляты пропозиции в именных контрфактивах

В этом разделе мы подробнее остановимся на возможных языковых средствах, позволяющих именной группе выступать представителем пропозиции.

Во-первых, именные контрфактивы могут содержать собственно анафорическую проформу для отсылки к событию — местоимение *это* (см. (Пекелис 2016)). В примере (29) антецедентом местоимения *это* выступает событие, которая эксплицитно описывается предыдущей клаузой.

- (29) *Популярен он был необычайно, если бы не это, его наверняка давно бы опять арестовали.* [НКРЯ]

Следующую группу случаев образуют именные конструкции с существительными типа *факт, событие, обстоятельство*, при которых выражающее пропозицию изъяснительное придаточное выступает в качестве дополнения (30а). Существительное-вершина в таких конструкциях может отсутствовать, так что придаточное предложение оказывается вложено в местоименную оболочку (30b). В (Князев 2016) и (Лютикова 2016) для таких конструкций развивается анализ, в соответствии с которым СР заполняет позицию комплемента функциональной вершины D ([_{DP} *то* [_{CP} *что ...*]]).

- (30) а. *В позиции экономистов не было бы ничего странного, если бы не тот факт, что все они являются постоянными консультантами... российского правительства!* [НКРЯ]
 б. *Если бы не то, что через час начинался рабочий день и в любое время могли прийти люди, я бы ни за что не расстался с ним.* [НКРЯ]

Как отмечалось выше, пропозицию может выражать именная группа, возглавляемая событийным существительным. В этом случае материала именной группы оказывается достаточно для создания дескрипции ситуации. Например, в (31) ситуация, к которой отсылает протасис, по-видимому, описывается как *Вере Михайловне разрешили приехать ко мне*.

- (31) *Я очень скоро протянул бы ноги, если бы не разрешение Вере Михайловне приехать ко мне.* [НКРЯ]

Достаточно часто, однако, соотношение между именной группой, в том числе и событийной, в протасисе именных контрфактивов и подразумеваемой пропозицией не однозначно и основано на метонимии. Так, пример (32а) совместим с различными прочтениями протасиса: *если бы он не уехал, если бы Надя не уехала, если бы Наде не предстоял отъезд*, и т. п. Как отмечает Н. Р. Добрушина, «<и>менная группа с частицей *бы* обозначает целую ситуацию, и часто контекст содержит определенные фрагменты этой ситуации, например, в форме

причастного оборота, относительного придаточного или большого количества определений» (Добрушина 2016: 7.4.1.2). В (32b) именная группа строится на базе предметного существительного, однако модификатор именной группы — атрибутивное страдательное причастие — указывает на дополнительные дескриптивные характеристики события (например, *Ремни были пристегнуты*).

- (32) а. *Если бы не отъезд, вполне возможно, Надя вышла бы за него замуж.* [Я]
б. *Если бы не пристёгнутые ремни, я бы мог стукнуться головой о ветровое стекло.* [НКРЯ]

Один из примечательных случаев отсылки к ситуации при помощи именной группы — это использование аппозитивных относительных предложений. Рассмотрим (33).

- (33) *Если бы не спутники, которые оттащили его, всё кончилось бы совсем скверно.* [НКРЯ]

По-видимому, наиболее естественная интерпретация (33) состоит в том, что относительное предложение в составе именного контрфактива имеет аппозитивную интерпретацию: речь идет об определенных спутниках, и относительное предложение не производит рестрикции множества спутников до множества спутников, оттащивших героя. Функция относительного предложения в (33) иная: оно как раз и создает дескрипцию для той ситуации, которая выступает в протасисе контрфактива (*Если бы спутники его не оттащили, всё кончилось бы скверно*)¹⁶. Легко видеть, что наличие аппозитивного относительного предложения может лицензировать реинтерпретацию событийной именной группы в протасисе именного контрфактива: например, в (34) искомой пропозицией является не *Климат потеплел*, а скорее *Потепление климата нагрело антарктические воды до нужной краям температуры*.

- (34) *Но переселенцы не смогли бы там выжить, если бы не потепление климата, которое нагрело антарктические воды до нужной краям температуры.* [НКРЯ]

Однако не любые аппозитивные относительные предложения в именных контрфактивах создают дескрипцию для пропозиции. Например, в (35), как следует из более широкого контекста, пропозиция в протасисе в действительности имеет вид *Слава повторял реплики собеседников на все лады*; внимательность Славы к людям и их отношениям выступает лишь в качестве обоснования интереса Славы к релевантному обмену репликами.

- (35) <Беседа Р. и Д. привлекла внимание С., который повторял реплики собеседников на все лады> *Если бы не Слава, который всегда был внимателен к людям и их отношениям ... , я бы не запомнил обмена репликами с Диной Морисовной ...* [НКРЯ]

¹⁶ Здесь напрашиваются параллели с французскими клефовыми структурами *c'est ... qui* и *(il) у а ... qui*, которые, помимо фокусной интерпретации — узкого фокуса в первом случае и репрезентационного фокуса во втором — могут использоваться для создания структуры вида *topic-comment* (Karssenbergh, Lahousse 2015).

Можно высказать предположение, что интерпретация аппозитивного относительного предложения в именных контрфактивах коррелирует с независимо отмечаемой во многих работах дихотомией пресуппозитивных (*not-at-issue*) vs. нарративных (континуативных, *at-issue*) аппозитивных конструкций (см. Del Gobbo 2003; Nouwen 2007; AnderBois et al. 2010, 2015; Лютикова 2012; Koev 2013). Эта гипотеза, однако, требует дополнительных исследований.

Напрашивается вывод: рассматриваемая конструкция предъявляет к контексту лишь одно ограничение — он должен поддерживать ре-интерпретацию именной группы как пропозиции, предоставив информацию о ситуации актуального мира, в котором участвует соответствующий индивид. На языке предложенного нами анализа это равносильно тому, во-первых, что событийное местоимение *pro* должно найти себе антецедент, а во-вторых, что должна быть доступна минимальная информация о характере участия индивида в событии. Более никаких ограничений нет: подходит любой способ, которым всего этого можно добиться.

Чем может быть мотивирован именно такой сценарий превращения индивида в пропозицию? Полный ответ на этот вопрос возможен, по-видимому, лишь в более широком теоретическом контексте, а именно, в контексте теории, описывающей возможные реинтерпретации языковых выражений, происходящих, когда они оказываются в чужеродной семантико-синтаксической среде. В литературе явления, связанные с реинтерпретацией, чаще всего обсуждаются в связи с коэрсией¹⁷, преобразованием, которому подвергается значение выражения *a*, чтобы *a* могло соединиться с другим выражением *b* в осмысленное целое. Разные авторы обсуждают широкий диапазон коэрссионных явлений — онтологическую коэрссию, коэрссию типа, аспектуальную коэрссию, каузативную коэрссию и целый ряд других (Moens & Steedman 1988, Jackendoff 1997, Michaelis, Lambrecht 1996, de Swart 1998, Zucchi 1998, Coulson, Fauconnier 1999, Michaelis 2004, 2006, Koontz-Garboden 2007, Partee 2010, Lyutikova, Tatevosov 2015). Происходящее в именном контрфактиве — это, по-видимому, явление того же ряда.

Условная конструкция связывает отношением подмножества два множества миров: миры, обозначаемые пропозицией в протасисе и миры, обозначаемые пропозицией в аподосисе. Наличие множества миров представляется необходимым условием того, чтобы условная конструкция могла иметь интерпретацию. Именные группы индивидного типа, которые мы видим в именных контрфактивах, этому условию не удовлетворяют и вследствие этого должны подвергнуться реинтерпретации. Им приходится проделать путь от индивида к пропозиции. Возможностей здесь, вероятно, есть больше одной, но в любом случае их не слишком много. Та, которую обсуждаем мы, кажется в высшей степени естественной. От индивида мы переходим к утверждению о ситуации с его участием, то есть к пропозиции, которая истинна в мире *w* в том случае, если наш индивид принял участие в событии *e*. Как можно идентифицировать событие *e*, если от именного именного контрфактива не требуется, чтобы оно

¹⁷ Словом «коэрсия» мы за неимением лучшего переводного эквивалента обозначаем явление, в англоязычной литературе известное как *coercion*. Английский термин представляется общеупотребительным. Мы не знаем, кто первым ввел его в научный оборот.

было эксплицитно выражено или описано внутри него? Способ, который, как мы подозреваем, задействован в описываемом случае, также представляется совершенно естественным. Это событие надо обнаружить в текущем контексте — например, как уже упоминавшееся или дейктически доступное. Как только это происходит, пропозиция, утверждающая участие референта именной группы в этом событии, готова, и вся конструкция получает осмысленную интерпретацию. Если это верная интуиция, то самый простой способ сделать ее явной — предположить имплицитное местоименное средство, выбирающее себе референт среди событий.

5. Загадка отрицания

Согласно предположению, сформулированному в предыдущих разделах, указание на событие, вводимое в протасисе именного контрфактива, имеет анафорический характер. Важное эмпирическое преимущество такого анализа состоит в том, что он позволяет нам объяснить асимметрию по полярности в примерах (1) и (3). (1a) повторяется как (36a), (3a) — как (36b):

(36) а. *Если бы не Жанна, пропали бы мы обе: я и Лялька.*

б. **Если бы Жанна, пропали бы мы обе.*

Как показывает этот пример, утвердительный аналог протасиса невозможен. Мы утверждаем, что он невозможен благодаря анафорическому элементу *pro*, который мы полагаем частью механизма реинтерпретации именной группы, как показано в (22). После реинтерпретации создается пропозиция в (37).

(37) $\neg \exists e [e = g(3) \wedge g(R)(\text{Жанна})(e)]$

Как обсуждалось выше, *pro* получает референцию в актуальном мире; это местоимение обозначает происходящее в нем событие, в которое присваивающая функция отображает индекс на местоимении, например, $g(3)$.

Предложение с отрицательным именным протасисом, такое, как (36a), обозначает отношение подмножества между пропозицией в протасисе и пропозицией в аподосисе. Его семантика неформально показана в (38):

(38) а. Те миры, в которых неверно, что имеется событие e , которое

идентично контекстно-релевантному событию $g(3)$ и

в котором участвует Жанна,

— это множество миров, в которых верно, что мы обе пропали.

б. Наш мир не входит в множество миров, в которых неверно, что имеется событие e , которое

идентично контекстно-релевантному событию $g(3)$, такому, что

Жанна участвует в $g(3)$.

Обратим внимание на контрфактический элемент этой семантики в (38b). Нетрудно увидеть, что в отрицательном именном контрфактиве этот элемент имеет когерентную интерпретацию. $g(3)$ — событие актуального мира. Пропозиция в (38b) 'Имеется такое событие, которое идентично $g(3)$ и в котором

участвует Жанна', находится под отрицанием. Под отрицанием мы получаем множество миров, где нет такого события. Поскольку в нашем мире w_0 событие $g(3)$ есть, можно быть уверенным, что w_0 — не один из них. Тем самым (38) удовлетворяется.

Рассмотрим, что происходит, если в аподосисе нет отрицания, (36b). Контрфактический компонент (38b) приобретает вид (39):

- (39) Наш мир не входит в множество миров, где имеется событие e , которое идентично контекстно-релевантному событию $g(3)$, такому, что Жанна участвует в $g(3)$.

(39) — очевидное противоречие. Контрфактивность требует, чтобы наш мир не содержал в себе события, которое произошло в нашем мире. Нетрудно убедиться, что этот результат не зависит от лексического наполнения условной конструкции и с неизбежностью наступит у любого именного контрфактива, не имеющего отрицания над именной группой в аподосисе. Мы предполагаем, что именно в этом заключен источник неприемлемости предложения (36b) и аналогичных.

Это обсуждение показывает, что именной контрфактив не является, в отличие от обычного контрфактива (и прочих условных предложения) контекстом снятой утвердительности. Согласно нашему предположению, так происходит потому, что в реинтерпретации именной группы как выражения, обозначающего пропозицию, задействуется указание на событие, имеющее место в актуальном мире. В той степени, в которой снятая утвердительность — необходимое условие лицензирования отрицательно-полярных единиц, мы получаем объяснение их невозможности в именном контрфактиве, о которой говорилось в разделе 1. Иными словами, отрицательно-полярные единицы невозможны в именном контрфактиве по той же причине, по которой они невозможны в утвердительном матричном предложении в индикативе, в прошедшем времени совершенного вида типа *Кто-либо пришел*.

Литература

1. AnderBois S., Brasoveanu A., Henderson R. (2010), Crossing the appositive-at-issue meaning boundary, *Semantics and Linguistic Theory*, Vol. 20, pp. 328–346.
2. AnderBois S., Brasoveanu A., Henderson R. (2015), At-issue proposals and appositive impositions in discourse, *Journal of Semantics*, Vol. 32(1), pp. 93–138.
3. Anderson A. R. (1951), A note on subjunctive and counterfactual conditionals, *Analysis*, Vol. 12(2), pp. 35–38.
4. Copley B. (2009), *The Semantics of the Future*, Routledge Outstanding Dissertations in Linguistics, New York.
5. Coulson S., Fauconnier G. (1999), Fake Guns and Stone Lions: Conceptual Blending and Privative Adjectives, in *Cognition and Function in Language*, edited by Fox B., Jurafsky D. and Michaelis L., CSLI Publications, Stanford, pp. 143–158.
6. De Swart H. (1998), Aspect shift and coercion, *Natural Language and Linguistic Theory*, Vol. 16, pp. 347–385.

7. *Del Gobbo F.* (2003), *Appositives at the interface*, Doctoral dissertation, University of California, Irvine.
8. *Dobrushina N. R.* (2016), *Semantics of the subjunctive: a corpus-based study of grammatical polysemy* [Semantika kosvennogo naklonenije: korpusnoe issledovanie grmmaticheskoy polisemii]. Dr. Sc. dissertation, HSE.
9. *Gladkij A. V.* (1982), On the meaning of *esli* [O znachenii sojuza “jesli”], in *Semiotics and informatics* [Semiotika i Informatika], Vol. 18, pp. 43–75.
10. *Iatridou S.* (2000), The grammatical ingredients of counterfactuality, *Linguistic Inquiry*, Vol. 31(2), pp. 231–270.
11. *Jackendoff R.* (1997), *The architecture of the language faculty*, MIT Press, Cambridge.
12. *Karssenbergh, L., Lahousse K.* (2015), Two types of clefts in French: Information structure, existential presupposition & syntax, Paper presented at IGG 41, Perugia, 27 February 2015, URL: <https://www.arts.kuleuven.be/ling/presentationalclefts>
13. *Khoo J.* (2015), On indicative and subjunctive conditionals, *Philosophers' Imprint*, Vol 15(32), pp. 1–40.
14. *Knyazev M.* (2016), *Licensing clausal complements: The case of Russian čto-clauses*. LOT Publications, Vol. 418, Utrecht.
15. *Koev T.* (2013), *Apposition and the Structure of Discourse*, Ph. D. dissertation, Rutgers University.
16. *Koontz-Garboden A.* (2007), *Aspectual coercion and the typology of change of state predicates*, Ph. D. dissertation, Stanford University.
17. *Kornakova E. V., Lyutikova E. A., Grashhenkov P. V.* (2016), *Licenzirujushhie svojstva otricanija v russkom jazyke*, *Rhema*, Vol. 4, pp. 58–82.
18. *Kratzer A.* (1981), The notional category of modality, in *Words, worlds, and contexts: New approaches in word semantics*, edited by Eikmeyer H.-J. and Riesen H., de Gruyter, Berlin, pp. 38–74.
19. *Kratzer A.* (1986), *Conditionals*, *Chicago Linguistics Society*, Vol. 22(2), pp. 1–15.
20. *Lyutikova E. A.* (2012), Interpretation of the pronoun *kotoryj* in appositive relative clauses [Interpretacija mestoimenija kotoryj v appozitivnyh odnositel'nyh predlozhenijah], *Izvestija RAN. Language and Linterature*, Vol. 71(1), pp. 3–23.
21. *Lyutikova E. A.* (2016), *Syntax of noun phrases in the articleless language* [Sintaksis imennoj gruppy v bezartiklevom jazyke]. Dr. Sc. dissertation, MGU.
22. *Lyutikova E., Tatevosov S.* (2015), Recursive passivization: a causative coercion account, in *Affix Ordering Across Languages and Frameworks*, edited by Manova S., OUP, Oxford, pp. 17–52.
23. *Mackay J.* (2015), Actuality and fake tense in conditionals, *Semantics and Pragmatics*, Vol. 8(12), pp. 1–12.
24. *Michaelis L.* (2004), Type shifting in construction grammar: An integrated approach to aspectual coercion, *Cognitive Linguistics*, Vol. 15, pp. 1–67.
25. *Michaelis L., Lambrecht K.* (1996), Toward a Construction-Based Model of Language Function: The Case of Nominal Extraposition, *Language*, Vol. 72, pp. 215–247.
26. *Moens M., Steedman M.* (1988), Temporal ontology and temporal reference, *Computational Linguistics*, Vol. 14, pp. 15–28.
27. *Nouwen R.* (2007), On appositives and dynamic binding, *Research on Language and Computation*, Vol. 5, pp. 87–102.

28. *Partee B. H.* (2010), Privative adjectives: subsective plus coercion, in *Presuppositions and Discourse: Essays offered to Hans Kamp*, edited by Bauerle R., Reyle U. and Zimmermann Th. E., Emerald Group Publishing, Bingley, pp. 273–285.
29. *Pekelis O. E.* (2016), The pronoun *eto* as a truth-conditional modifier (on the construction “if (when, even though) R, *eto* Q) [*Mestoimenie eto kak sredstvo modifikacii istinnostnogo statusa (o konstrukcii vida esli (kogda, hotja...) R, eto Q)*], *Voprosy jazykoznanija*, Vol. 5, pp. 49–78.
30. *Rozhnova M. A.* (2009), Syntactic characteristics of negative pronouns in Spanish and Russian [*Sintaksicheskie svojstva otricatel'nyh mestoimenij v ispanskom i russkom jazykah*], Diploma thesis, RGGU.
31. *Tatevosov S. G.* (2001), Semantics of nominal constituents: universal quantifiers [*Semantika sostavljajushchix imennoj gruppy: kvantornuje slova*], *Nasledie*, Moscow.
32. *Tatevosov S. G.* (2013), Empirical issues in event semantics [*Semantika sobytija kak empiricheskaya problema*], *Philosophy of language and formal semantics [Filosofija jazyka i formalnaja semantika]* edited by Kusliy P. Alpha-M, Moscow, pp. 8–42.
33. *von Fintel K.* (1998), Quantifiers and ‘if’-clauses, *The Philosophical Quarterly*, Vol. 48(191), pp. 209–214.
34. *Von Fintel K., Heim I.* (2015), Intensional semantics. MIT lecture notes. <https://github.com/fintelkai/fintel-heim-intensional-notes/blob/master/Intensional-Semantics.pdf>
35. *Zucchi A.* (1998), Aspect shift, in *Events and grammar*, edited by Rothstein S., Kluwer, Dordrecht, pp. 349–370.